

УДК 81`42

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.19020073>

СПОСОБЫ РЕЧЕВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ ЭМОЦИЯМИ И ЧУВСТВАМИ В АМЕРИКАНСКОМ И РОССИЙСКОМ КИНОДИСКУРСЕ

Ратундалова И. Ю.

*Донецкий государственный университет,
Донецк, Российская Федерация
E-mail: i.boryushova@mail.ru*

В статье рассматриваются эмоционально-чувственные способы манипулятивного воздействия в американском и российском кинодискурсе на материале диалогов современных художественных фильмов и сериалов. Исследование фокусируется на трех наиболее распространенных эмоциональных тактиках речевого манипулирования – упреке, провокации и угрозе. Рассматриваются языковые средства и выделяются семантические типы их актуализации; анализируется степень выражения имплицитности и эксплицитности, сдержанности и экспрессивности каждой тактики. Особое внимание уделяется культурно-специфическим особенностям их реализации, позволяющим выявить сходства и различия в механизме речевого манипулирования, типичные для американской и российской лингвокультур. Полученные результаты свидетельствуют о том, что в англоязычном материале манипулятивные тактики преимущественно проявляются в мягкой, косвенной форме и реже включают прямую негативную оценку, в то время как в русскоязычном кинодискурсе, наоборот, доминируют эмоционально насыщенные, открытые и нередко агрессивные способы воздействия. Эти различия отражают культурные нормы взаимодействия, характерные коммуникативные ожидания, сценарные традиции двух лингвокультур и дополняют представления о национально обусловленных моделях речевого поведения в медиадискурсе современной экранной культуры.

Ключевые слова: кинодискурс, речевое манипулирование, эмотивность, речевые тактики, упрек, провокация, угроза.

ВВЕДЕНИЕ

Кинодискурс представляет собой синтез разноуровневых семиотических средств, формируя особый тип художественно смоделированной коммуникации. Речевая организация диалогов персонажей отражает эмоциональные и оценочные нормы соответствующей лингвокультуры и демонстрирует способы воздействия одного участника общения на другого, включая манипулятивные тактики. В этом смысле кинодискурс является репрезентативной моделью для анализа речевого манипулирования в естественных ситуациях.

Под речевым манипулированием понимается скрытое влияние на сознание адресата с помощью языковых средств, направленное на формирование определенных оценок, эмоциональных реакций или предпочтительных моделей поведения [20, с. 534]. Учитывая, что в структуру сознания входят эмоции и чувства [9, с. 11; 16, с. 85], регулирующие динамическую сторону мотивации и побуждающие к действию [22], обращение к эмоциональному компоненту представляет собой одну из наиболее эффективных форм манипулятивного воздействия. Следовательно, исследование способов управления эмоциональным состоянием адресата является существенным для описания механизмов речевой манипуляции.

Несмотря на широкую разработанность проблемы манипулятивного речевого воздействия в рамках политического и публицистического дискурса [2; 3; 6; 10; 13; 15; 19; 26; 27], особенности реализации тактик манипулирования в кинодискурсе до сих пор освещены фрагментарно [5; 7; 14]. Имеющиеся классификации стратегий и тактик,

ориентированные преимущественно на институциональное общение, часто не представляется возможным адаптировать к анализу естественного диалога, который отличается иной динамикой, иной степенью эмотивности и иной системой логико-структурных норм. Манипулирование в ситуациях межличностного общения активно освещается в психологических исследованиях [1; 8; 12; 18; 21; 23; 24], которые предлагают описания отдельных манипулятивных приемов, однако, как правило, не сосредоточены на языковой составляющей, не содержат системного анализа реальных диалогов и не рассматривают манипуляцию в сопоставительном аспекте.

В нашем исследовании рассматриваются три тактики манипулирования эмоциями и чувствами – тактики упрека, провокации и угрозы. Их выбор обусловлен высокой продуктивностью данных тактик в кинодискурсе, а также тем, что все они эксплуатируют негативные эмоции (вину, гнев, страх) в качестве рычагов давления. Важно и то, что при их реализации манипулятор занимает активную позицию преследователя [12], что отличает их от стратегий, основанных на апелляции к сочувствию или демонстрации слабости. Это позволяет описать устойчивые сценарии эмоционального воздействия и сопоставить их в рамках различных культурных традиций.

Основные задачи исследования – выявление общих и схожих моделей реализации тактик упрека, провокации и угрозы в американском и российском кинодискурсе, а также анализ различий актуализации данных тактик и их обоснование в культурном контексте.

Материалом исследования послужили 914 реплик, в которых реализуются тактики упрека, провокации и угрозы (412 – в английском языке и 502 – в русском). Реплики для анализа извлекались методом сплошной выборки из фильмов и сериалов, выходящих в период с 2019 по 2024 г. При выборе киноматериала наряду с годом выпуска учитывались также жанр (фильмы и сериалы, в которых присутствуют фантастические элементы, к исследованию не привлекались); период освещаемых событий (исторические фильмы также не принимались во внимание); тематическая направленность (выбор основывался на схожих сюжетных мотивах или архетипах персонажей); хронометраж (примерно по 11 тыс. минут на английском и русском языках). В качестве иллюстративного материала используются реплики из фильмов Shirley (2020), The Tutor (2022), Challengers (2024), «Триггер. Фильм» (2023), «Я богиня» (2023); сериалов Prodigal Son (2019–2021), Euphoria (2019–...), Chucky (1 сезон) (2021), Ginny & Georgia (2021–...), Black Bird (2022), Inventing Anna (2022), The Dropout (2022), Tell Me Lies (2022–...), Beef (2023), Cruel Intentions (2024), Presumed Innocent (2024), «Сама дура» (2020–2023), «Триггер» (2020–...), «Зеленый мэр» (2021), «Хрустальный» (2021), «Медиатор» (2021–2024), «Новенькие» (2022–2023), «Тетя Марта» (2022–2024), «Райцентр» (2023), Госпожа (2023–...), «Дайте шоу» (2024), «Трасса» (2024).

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Тактика упрека

Тактика упрека является преобладающей в речах американских персонажей (186 примеров (45,1%)) и второй по частотности в речах российских персонажей (171 пример (34,1%)). Применяя тактику упрека, манипулятор стремится вызвать чувство вины или стыда у адресата, тем самым влияя на его поведение. Речевой акт упрека характеризуется наличием негативной оценки действий или качеств адресата [11].

Упрек может выражаться прямо (присутствует эмоционально-оценочная лексика с негативной коннотацией, указывается объект упрека (при помощи имен, личных местоимений, обращений по роли или статусу собеседника)) или косвенно (обвинение

или негативная оценка подразумеваются и могут быть выражены при помощи намеков, двойных смыслов, иронии и сарказма).

В обоих языках доминируют прямые упреки – в меньшей степени в англоязычном материале (104 реплики (55,9%)) и в большей – в русскоязычном (121 (70,8%)), например: *Why are you sulking like a little baby?* (Inventing Anna) ‘Почему ты дуешься, как маленький ребенок?’; *Ты еще ничего не добила в этой жизни, а уже пытаешься диктовать свои условия* («Новенькие»).

Косвенные упреки более продуктивны в английском языке (82 случая (44,1%)), по сравнению с русским (50 случаев (29,2%)), например: *No worries, CeCe. It's taken care of. You can sit this one out. How about you go do something for school? Let's go, ladies* (Cruel Intentions) ‘Не волнуйся, СиСи. Об этом позаботились. Можешь не беспокоиться. Как насчет того, чтобы пойти и сделать что-нибудь для колледжа? Пойдемте, дамы’ – адресант намекает на неверные приоритеты адресата, который предпочел интересы колледжа интересам сестринства; *И тогда старый король вместе со своей молодой женой напоили принца зельем. Выпив которое, принц забыл, кто он на самом деле* («Триггер. Фильм») – в форме сказки выражается мысль о неправильном выборе и поведении «принца» (объекта манипуляции). Стоит отметить, что косвенные упреки часто выражаются через оправдательные конструкции – данный прием делает манипуляцию более скрытой и мягкой. В материале на английском языке употребление оправданий более продуктивно (50 случаев (26,9%)), нежели чем в материале на русском языке (30 случаев (17,5%)), например: *I'm here because I'm concerned. My team worked all week on that presentation. I thought you wanted to see it* (Prodigal Son) ‘Я здесь, потому что обеспокоен. Моя команда всю неделю работала над этой презентацией. Я думал, вы захотите ее увидеть’; *Я его нашла. Нет, ты не думай, я его специально не искала. Я прибираться начала, на полочках пыль вытирала. Ну, и до антресолей добралась, когда он и выпал сам. Паспорт мой. Плохо ты его нынче спрятала* («Госпожа»).

Кроме того, в материале на русском языке демонстрируется более высокий уровень агрессии; применение тактики упрека часто сопровождается восклицаниями (56 примеров (32,7%): *Это ты мне сказала, а теперь скажи ее матери, что ты ничего не знаешь! И что ты не будешь ей помогать!* («Трасса»); ср. англ. – 38 (20,4%): *You're fucking lucky I care enough to keep it to myself!* (Tell Me Lies) ‘Тебе чертовски повезло, что мне не все равно, и я держу это при себе!’), оскорблениями, сниженной и обценной лексикой (53 примера (31%): *Господи, как ты мямлишь! Егор, мне за тебя стыдно. Там мама с папой в зале сидят! Позорище* («Триггер»); ср. англ. – 47 (25,3%): *You fucking did this to me!* (Euphoria) ‘Ты, черт возьми, сделал это со мной!’).

Таким образом, в речах англоязычных персонажей актуализация упрека чаще осуществляется имплицитно и эмоционально приглушенно, тогда как в речах русскоязычных персонажей наблюдается склонность к более эксплицитному и экспрессивному выражению.

Тактика провокации

Тактика провокации нацелена на вызов эмоциональной реакции (гнева, раздражения, тревоги, страха, стыда или оправдания) у объекта манипуляции при помощи прямо или косвенно выраженных негативных оценок его качеств или поведения, реплик, выражающих недоверие к его позиции, прямых запросов информации, поднятия нежелательных тем и т.д. [17].

В английском языке обнаружено 153 реплики с провокациями (37,1%), а в русском – 188 реплик (37,7%) – это наиболее высокий показатель в русскоязычном материале.

В результате анализа эмпирического материала удалось выделить пять типов провокативных высказываний (в 153 англоязычных репликах реализуется 164 провокации; а в 188 русскоязычных – 231 провокация):

1) провокация через негативную атрибуцию (англ. – 55 примеров (33,5 %); русск. – 99 случаев (42,9 %) – приписывание адресату отрицательных качеств или свойств, направленных на вызов эмоциональной реакции (гнева, стыда, желания оправдаться), дестабилизацию его позиции в диалоге, побуждение к линии поведения, выгодной говорящему. Например: *You were wrong. This was a waste of time. Your son thought that you would tell me the truth. But I knew better. You're not some self-styled genius. It's all fake, pretend. You're not a surgeon. You're not a father* (Prodigal Son) ‘Вы ошибались. Это была пустая трата времени. Ваш сын думал, что вы скажете мне правду. Но я знала, что это не так. Вы не какой-то гений, как вы сами себя называете. Это все фальшь, притворство. Вы не хирург. Вы не отец’; *Ну ладно, ладно. Водитель за стеклом. Кстати, а сколько у нас элитных водителей-баб? Я просто интересуюсь как профессионал, могу сказать, что женский мозг в целом хуже справляется с пространственным ориентированием...* («Триггер») – провокации вербализируются посредством эмоционально-оценочной, часто грубой, стилистически сниженной лексики. Провокационные высказывания через негативную атрибуцию были условно поделены на критические замечания и оскорбления, и количество оскорблений в английском языке составило 13 случаев (23,6%), тогда как в русском – 39 (39,4%), что указывает на повышенную агрессивность в материале на русском языке;

2) провокация через вызов (англ. – 55 примеров (33,5 %); русск. – 70 случаев (30,3 %) – побуждение объекта манипуляции к действию, высказыванию или эмоциональной реакции путем провоцирующего имплицитного или эксплицитного вызова, который носит форму сомнения в качествах адресата (мужественности, смелости, решительности, самостоятельности, компетентности). Данный вид провокации реализуется в смягченной форме в английском языке – при помощи вопросительных предложений, хеджирования (использования средств, придающих высказыванию неоднозначность, снижающих степень уверенности [4]) (*Don't you wanna... I don't know, to... go over there and say something? You know, be assertive? He didn't like that you're Japanese* (Beef) ‘Ты не хочешь... Не знаю... пойти туда и сказать что-нибудь? Знаешь, поагрессивничать? Ему не понравилось, что ты японец’); и в более асертивной форме – в русском языке – посредством императивных конструкций, эмфатических частиц (*Делайте свой бенефис. Оправдывайте зло, которое творит Дина. Только вот Дина вас рано или поздно уничтожит* («Дайте шоу»); *А-а, ну, естественно! Зассалис-с, Андрей Витальевич!* («Я богиня»)); в обоих языках наблюдаются апелляции к номинации этических добродетелей (смелость, честь и т.д.: *...are you brave enough to ask it?* (Prodigal Son) ‘...хватит ли у тебя смелости задать этот вопрос?’; – *Хочешь пари? 5 сеансов и ты становишься другим человеком. – А я не хочу быть другим человеком. – Боишься?* («Новенькие»));

3) провокация через указание на виновность (англ. – 24 случая (14,6%); русск. – 28 случаев (12,1 %) – провоцирующее высказывание, в котором объект манипуляции имплицитно или эксплицитно представляется виновным, ответственным или сопричастным к отрицательному действию или событию. Данный вид провокации актуализируется при помощи прямых (употребляются негативно окрашенные лексемы, виновник указывается эксплицитно) или косвенных (используются ирония, риторические вопросы, намеки, виновник подразумевается, но не называется прямо) обвинений.

Интересно, что провокация через указание на виновность в английском языке в основном выражается прямо и эксплицитно (в 18 случаях (75%), например: *No wonder she jumped. She killed herself. Because of you* (Chucky) ‘Неудивительно, что она прыгнула. Она покончила с собой. Из-за тебя’); тогда как в русском – более мягко, виновность часто маркируется через иронию, риторический вопрос или гипотезу (в 11 случаях (39,2%), например: *Деньги, они же не пахнут, да?* («Зеленый мэр»));

4) провокация через сравнение (англ. – 17 примеров (10,4%); русск. – 19 примеров (8,2%)) – высказывание, основанное на эксплицитном или имплицитном сопоставлении с третьими лицами с целью индуцирования эмоциональной реакции объекта манипуляции, направленной на защиту, самоутверждение, агрессию или демонстрацию компетентности. Например: *What? You're not intimidated by him? ... Really? ... Well, you should be. ... Because he's smart. He's good looking. And he's really fucking good at tennis* (Challengers) ‘Что? Ты его не боишься? ... Правда? ... Ну, тебе следовало бы... Потому что он умный. Он симпатичный. И он действительно чертовски хорош в теннисе’; *Боголепов сказал, что ты порезала картины, потому что у Кристины был врожденный талант, а тебя, к сожалению, природа обделила* («Медиатор») – провокация вербализуется посредством прилагательных и наречий в сравнительной степени; сравнительных конструкций с союзами *than, like, чем, как, а*; оценочной лексики с негативной (направленной на объект манипуляций) и позитивной окраской (направленная на третью сторону). В некоторых случаях сравнение может не выражаться напрямую, но подразумеваться (англ. – 10 примеров (58,8%), например: *Your sister just got engaged. To the mayor. She's set life* (Ginny & Georgia) ‘Твоя сестра только что обручилась. С мэром. Она устроила свою жизнь’); русск. – 9 примеров (47,4%), например: *Некоторым я и таким нравлюсь* («Сама дура»));

5) провокация через прямой запрос информации / поднятие нежелательных тем (англ. – 13 (7,9%); русск. – 15 (6,5 %)) – высказывание, нарушающее коммуникативную норму посредством эксплуатации табуированных тем (напр., тема секса, измен, насилия и т.д.) с целью дестабилизации позиции собеседника в диалоге, активации защитных реакций, интенсификации эмоционального ответа или демонстрации власти. Например: *What about the baby? Was it planned? Are you worried about having a bastard?* (Shirley) ‘Что насчет ребенка? Он был запланирован? Ты не беспокоись о том, что у тебя будет убудок?’; *У тебя адвокат есть? Из Москвы? Спала с ним?* («Новенькие») – используется сниженная лексика, часто лексемы с сексуально маркированной окраской (именно сексуальная тема чаще всего понимается в обоих языках (в 7 случаях (53,8%) в английском языке и в 9 (60%) – в русском).

Таким образом, провокации в англоязычном материале преимущественно реализуются в мягкой, имплицитной форме (за исключением провокаций, связанных с указанием на виновность). В русскоязычном материале, напротив, для провокативных высказываний характерна более эмоционально насыщенная и наступательная подача. Кроме того, значительно более продуктивной оказывается провокация через негативную атрибуцию, что демонстрирует более эффективный манипулятивный потенциал апелляций к личностным качествам, моральным характеристикам и социальным ролям адресата, а также меньшую склонность к оценке личности в американской лингвокультуре.

Тактика угрозы

Тактика угрозы направлена на стимулирование объекта манипуляции к определенному поведению при помощи устрашения. В материале на английском языке обнаружено 73 реплики (9,9%), в которых реализуются угрозы, а в материале на русском языке – почти в двое больше – 143 (15,9%). Подобная разница в количественных показателях может быть связана с культурной спецификой: так, вертикаль власти и патриархальные модели взаимодействия в русской культуре закрепляют речевые стратегии доминирования, включая угрозу, как социально допустимые, тогда как американская культура ориентирована на менее напористый, но более адаптивный подход [25].

Важно различать неманипулятивную угрозу, целью которой является открытое принуждение адресата к чему-либо, от манипулятивной, характеризующейся наличием скрытого механизма контроля через искажение восприятия ситуации (к примеру, угроза не имеет реального основания или возможности реализации).

В обоих языках выделяются как прямые, так и косвенные угрозы, в зависимости от коммуникативной ситуации, однако в речах англоязычных персонажей косвенные актуализируются в большей степени (34 случая (46,6%), напр.: *And if you don't, there will be consequences* (Cruel Intentions) ‘А если вы этого не сделаете, то будут последствия’), по сравнению с русскоязычными (33 случая (23,1%)), в речах которых явно доминируют прямые угрозы (110 случаев (76,9%), напр.: *Слышь, еще раз сюда придешь, я позволю в опеку и скажу, что за тобой никто не смотрит, соображаешь?* («Сама дура»)).

Прямая угроза характеризуется наличием вербального маркера – глаголов (*tell* ‘рассказать’, *find* ‘найти’, *ruin* ‘разрушить’, *put smb in jail* ‘засадить в тюрьму’; *убить, затаскать по судам, рассказать, проклясть* и т.д.); императивов (*You're afraid I'm gonna leave. This is it, and I'll never come back. Okay. I'll give you this. Help me and I'll come back* (Prodigal Son) ‘Ты боишься, что я уйду. Вот и все, я никогда больше не вернусь. Ладно, я дам тебе шанс. Помоги мне, и я вернусь’; *He подходит ко мне, или я его убью! Я его убью!* («Триггер»)); прямой отсылки к субъекту и объекту действию (*You stay away from my family. You hear me, Jackson? Or I'll hurt you. I'll hurt you* (The Tutor) ‘Держись подальше от моей семьи. Ты слышишь меня, Джексон? Или я сделаю тебе больно. Я сделаю тебе больно’; *Если ты не успокоишься, я засажу тебя за клевету. И его тоже* («Дайте шоу»)). Стоит отметить, что повелительное наклонение используется в основном в русском языке, тогда как в английском предпочтение отдается средствам модальности и будущему времени, которые могут использоваться как в прямых, так и в косвенных угрозах – за счет этого англоязычные реплики смягченные, манипулятор стремится продемонстрировать, что у адресата якобы есть выбор, например: *'Cause I'll put you in jail. Or on a sex offender registry. I mean, it's your choice. I don't want to force you to do anything* (Euphoria) ‘Потому что я засажу тебя в тюрьму. Или внесу в реестр сексуальных преступников. То есть – это твой выбор. Я не хочу принуждать тебя к чему-либо’.

Косвенная угроза выражается при помощи наличия подтекста и двойных смыслов (*Do you remember the first time you spoke to me? In Beijing? I was just remembering. I was going back over old emails, text messages. – Why would you do that? – I told you. I wanted to remember. – Why? – It's romantic to look over old texts* (The Dropout) ‘Ты помнишь, как ты впервые заговорила со мной? В Пекине? Я просто вспоминал, просматривал старые электронные письма, текстовые сообщения. – Зачем ты это делал? – Я же говорил тебе. Я хотел вспомнить. – Почему? – Это так романтично – просматривать старые сообщения’ – угроза скрыта и может быть зафиксирована только при наличии контекста: в переписке содержатся доказательства виновности адресата и напоминание о ней используется как

способ давления; *Просто помни, что мы... рядом* («Райцентр») – без контекста воспринимается как слова поддержки); средств смягчения – иронии, эвфемизмов, метафор, эллипсисов, пауз (*So, you're either Jimmy the gunrunner from Wisconsin, or you're Jimmy the drug-dealing cop's kid from Chicago. Now, if you're the first Jimmy, no problem. But if it gets out that you're the second Jimmy pretending to be the first Jimmy... Oh... That's going to be a very unfortunate day for both fucking Jimmys* (Black Bird) ‘Итак, ты либо Джимми, торговец оружием из Висконсина, либо Джимми, наркоторговец и сын полицейского из Чикаго. И если ты первый Джимми, то нет проблем. Но если выяснится, что ты второй Джимми, притворяющийся первым Джимми... О... Это будет очень неудачный день для обоих чертовых Джимми’; *Настал твой звездный час. Знаешь, кто приехал? Экспертиза! Наконец-то, да? Хочется же разобраться, как человек в реке оказался... А то версий море! Может, с машиной беда, а может, выпил что-то не то...* («Райцентр»)); риторических вопросов (*You know, I've met a lot of colorful characters in here. Murderers, hitwomen, you know, I had no idea how cheap it was to have someone killed. Did you? Like, seriously, like the price of a knock-off Chanel bag. Can you believe it?* (Inventing Anna) ‘Знаешь, я встретила здесь много ярких личностей. Убийцы, наемные убийцы... Знаешь, я понятия не имела, насколько дешево обходится чье-то убийство. А ты знал? Серьезно, по цене фейковой сумки от Шанель. Представляешь?’; *Ярик, это моя первая свадьба! И, я надеюсь, последняя. Ты же тоже хочешь, чтобы она была последней? Или я ошибаюсь?* («Зеленый мэр»)).

Реплики англоязычных персонажей более сдержанные, стилистически нейтральные (*You know, I'd hate to tell the police the wrong story, Jess. But my feelings have been hurt* (Prodigal Son) ‘Знаешь, Джесс, мне бы не хотелось рассказывать полиции ложную историю. Но мои чувства были задеты’), тогда как реплики русскоязычных героев более эмоциональные и агрессивные (*Тебя показательно посадят, будут по телеку твою рожу полоскать по всем каналам, а все твои друзья сольют тебя, как рыбку в унитаз. Это еще не главный прикол. Ты недосидишь. И дело не в амнистии* («Хрустальный»)) – всего лишь в 11 репликах (7,6%) в материале на русском языке отсутствует сниженная лексика, экспрессивные разговорные конструкции, восклицания, тогда как в английском языке таких реплик – 23 (31,5%).

В корпусе из 216 реплик зафиксирована 251 угроза (англ. – 93 угрозы; русск. – 158), которые можно распределить на пять семантических типов:

1) «Психологическое насилие» (англ.: 28 угроз (30,1%); русск.: 21 (13,3%)) – угроза, основанная на страхе потери, вины или любви, например: *You can't keep him from me. I have rights. Then you better talk to him or something. Or I'm... I'll make your life hell* (Ginny & Georgia) ‘Ты не можешь скрывать его от меня. У меня есть права. Тогда тебе лучше поговорить с ним и все такое. Или я... Я превращу твою жизнь в ад’; *Давай, я просто могу отобрать у тебя ребенка* («Триггер»);

2) «Правовые последствия» (англ.: 25 угроз (26,9%); русск. 65 (41,1%)) – угроза обратиться в полицию, привлечь к суду, посадить в тюрьму, например: *I'm more than happy to get the Chief of Police, Bill Greenwood, involved. Old family friend. Maybe he should have this conversation with you* (Euphoria) ‘Я буду очень рад привлечь к делу начальника полиции Билла Гринвуда. Старого друга семьи. Возможно, ему стоит побеседовать с вами об этом’; *Так, за дачу взятки в особо крупном, так сказать, этом самом, по тридцать лет каждому светит!* («Гетя Марта»);

3) «Репутационный ущерб» (англ.: 22 угрозы (23,7%); русск.: 24 (15,2%)) – угроза умаления авторитета, например: *I can still hurt you, Nicholas. One word from me and people*

will know exactly what you are (Prodigal Son) ‘Я все еще могу причинить тебе боль, Николас. Одно мое слово, и люди точно узнают, кто ты такой’; *Или вы перестаете мне вставлять палки в колеса, и я открываю шелтер, или это видео увидят все. Вы... вы думаете я не выложу? Я прям сейчас выложу* («Госпожа»);

4) «Физическая расправа» (англ.: 13 угроз (13,9%); русск.: 39 (24,7%)) – угроза причинить телесный вред и угроза смерти, например: *Yeah, I have a shaky hand. I got it from my dad* (Prodigal Son) ‘Да, у меня может дрогнуть рука. Это мне передалось от отца’; *А по улице шататься не страшно? А то машина мимо проедет – и никто тебя больше никогда не найдет. Поняла?* («Сама дура»);

5) «Финансовые потери» (англ.: 5 угроз (5,4%); русск. 9 (5,7%)) – угроза лишения денег или источника дохода, например: *You know, there's been a lot of restructuring going on around here, and I want you to know that Nico and I value loyalty above all else* (Presumed Innocent) ‘Вы знаете, здесь происходит большая реструктуризация, и я хочу, чтобы вы знали, что мы с Нико ценим преданность превыше всего’; *Да я тебя уволю в 3 секунды. Отойди!* («Новенькие»).

Итак, в английском языке в большей степени актуализируются психологические угрозы, тогда как в русском – угрозы физической расправы, что свидетельствует о более прямом и агрессивном подходе. Угрозы, связанные с обращением в полицию, суд, опеку также более продуктивны в русском языке, что может быть связано с культурной особенностью восприятия институциональных органов как инструмента давления и контроля; в контексте англоязычного материала более низкий процент реализации подобных угроз может объясняться отсутствием подобных ассоциаций и, наоборот, уверенностью в правовой защищенности и возможности отстоять себя. Кроме того, достаточно частотными в английском языке оказались репутационные угрозы, что связано с развитостью и более глубокой интеграцией института репутации в американской лингвокультуре.

ВЫВОДЫ

Манипулирование эмоциями и чувствами является одним из наиболее эффективных способов воздействия в речах американских и российских персонажей. Наиболее распространенными механизмами эмоционально-чувственного давления в обеих лингвокультурах являются тактики упрека, провокации и угрозы, направленные на продуцирование вины, гнева и страха. Однако степень их интенсивности, а также способы реализации значительно различаются. В материале на английском языке манипулятивные тактики характеризуются имплицитностью, сдержанностью и меньшей ориентацией на прямую негативную оценку адресата, что согласуется с культурно-обусловленными характеристиками англоязычной коммуникации, ориентированной на контроль эмоций и сохранение «лица». Русскоязычный кинодискурс, напротив, демонстрирует большую эмоциональную насыщенность, склонность к прямолинейной и часто агрессивной подаче. Полученные количественные показатели также подтверждают более высокую частотность эмоционального давления в русскоязычном материале; в англоязычном же фокус, вероятно, смещается в сторону менее эмоциональных, рационализированных механизмов манипулирования. Несмотря на общее совпадение базовых тактик и их функций, способы их реализации, тематическое наполнение и прагматические эффекты демонстрируют различия, свидетельствующие о глубоких культурных и дискурсивных различиях между американской и русской лингвокультурами.

Список литературы

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы. – М.: АСТ, 1998. – 397 с.
2. Бодулева А., Дмитриева Д. Ю., Рюкова А. Р. Дисфемистическая замена как средство реализации стратегии дискредитации в англоязычных текстах средств массовой информации // Русский лингвистический бюллетень. – 2022. – № 8 (36). – Режим доступа: <https://rulb.org/archive/8-36-2022-december/10.18454/RULB.2022.36.10> – (Дата обращения: 27.11.2025).
3. Ветрова Н. Н. Эвфемизация речи как способ манипулятивного воздействия на адресата в англоязычных и русскоязычных СМИ // Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы VIII Междунар. науч. конф. – Донецк, 2023. – С. 17–20.
4. Власян Г. Р., Петрова Е. М. Лингвистическое хеджирование как средство реализации стратегий вежливости в разговорном диалоге // Культура и текст. – 2021. – № 1 (44). – С. 216–227.
5. Газизов Р. А., Сафина А. В. Особенности языковой манипуляции в коммуникативном поведении немцев (на материале современного немецкого кинематографа) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 11-2 (89). – С. 309–313.
6. Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации: 2-е изд. – М.: Добросвет, 2011. – 232 с.
7. Дильмухаметова А. В. Признаки манипулятивного акта и способы распознавания манипуляции (на примере немецких художественных фильмов) // Вестник Башкирского университета. – 2020. – № 3. – С. 609–614.
8. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, 1997. – 344 с.
9. Ипатов А. В. Психология: учеб. пос. – СПб: РГГМУ, 2021. – 80 с.
10. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – 5-е изд. – М.: ЛКИ, 2008. – 284 с.
11. Каразия Н. Л. Явные и косвенные способы выражения упрека // Вестник КамчатГТУ. – 2005. – № 4. – С. 225–230.
12. Карпман С. Жизнь, свободная от игр. – СПб.: Метанойя, 2016. – 342 с.
13. Кушнерук С. Л. Траектории исследования информационно-психологической войны в российской лингвистике // Политическая лингвистика. – 2019. – № 6 (78). – С. 12–22.
14. Маринина А. Е., Казанцева Я. Н., Мартынова М. А. Психолингвистический анализ речи манипуляторов (на материале англоязычного фильма) // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 66-3. – С. 365–368.
15. Михалева О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 256 с.
16. Никандров В. В. О соотношении категорий «сознание» и «психика» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2003. – № 2. – С. 79–91.
17. Осенняя О. В. Реализация тактики речевой провокации в ходе интервью Ксении Собчак с Сергеем Пенкиным // Россия молодая: XVII Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых (22–25 апреля 2025 г.). – Кемерово, 2025. – Режим доступа: <https://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Conference/RM/2025/RM25/pages/Articles/95406.pdf>. – (Дата обращения: 27.11.2025).
18. Панкратов В. Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001. – 208 с.
19. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: монография. – Екатеринбург, 2004. – 294 с.
20. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Экспрессивные средства в языке современной газеты: тенденции и их культурно-речевая оценка // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов. – М.: Академический проект; Альма Матер, 2008. – С. 521–539.
21. Чалдини Р. Психология влияния. Внушай, управляй, защищайся. – М.: Эксмо, 2022. – 416 с.
22. Шаховский В. И. Обоснование лингвистической теории эмоций // Вопросы психолингвистики. – 2019. – № 1 (39). – С. 22–37.
23. Шейнов В. П. Манипулирование и защита от манипуляций. – СПб.: Питер, 2014. – 304 с.
24. Шостром Э. Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор. – Минск: ТПЦ «Полифакт», 1992. – 127 с.
25. Varanova E. Facework in Organizational Conflict: A Cross-Cultural Study Comparing Russians and Americans: PhD dissertation. – Kansas, 2010. – Режим доступа: <https://kuscholarworks.ku.edu/handle/1808/6434>. – (Дата обращения: 27.11.2025).

26. Samoilenko S. A. Character Assassination // The SAGE Encyclopedia of Corporate Reputation. – 2016. – Vol. 1. – P. 115–118.
27. van Dijk T. A. The principles of critical discourse analysis // Discourse and Society. – 1993. – № 4(2). – P. 249–283.

References

1. Berne E. *Igry, v kotorye igrayut lyudi. Lyudi, kotorye igrayut v igry: Psikhologiya chelovecheskoi sud'by* [Games People Play: The Psychology of Human Relationships]. Moscow, AST Publ., 1998. 397 p.
2. Boduleva A., Dmitrieva D. Yu., Ryukova A. R. *Disfemisticheskaya zamena kak sredstvo realizatsii strategii diskreditatsii v angloyazychnykh tekstakh sredstv massovoi informatsii* [Dysphemistic Substitution as a Means of Implementation of the Discreditation Strategy in English Media Texts]. *Russkii lingvisticheskiy byulleten'*, 2022, no. 8 (36). Available from: <https://rulb.org/archive/8-36-2022-december/10.18454/RULB.2022.36.10> (accessed 27 November 2025).
3. Vetrova N. N. *Evfemizatsiya rechi kak sposob manipulyativnogo vozdeistviya na adresata v angloyazychnykh i russkoyazychnykh SMI* [Euphemization of Speech as a Way of Manipulative Influence on the Addressee in English and Russian Media]. *Donetskie chteniya 2023: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii*. Donetsk, 2023, pp. 17–20.
4. Vlasyan G. R., Petrova E. M. *Lingvisticheskoe khedzhirovanie kak sredstvo realizatsii strategii vezhlivosti v razgovornom dialoge* [Linguistic Hedging as a Means of Realization Politeness Strategies in Spoken Dialogue]. *Kul'tura i tekst*, 2021, no. 1 (44), pp. 216–227.
5. Gazizov R. A., Safina A. V. *Osobennosti yazykovo manipulyatsii v kommunikativnom povedenii nemtsev (na materiale sovremennogo nemetskogo kinematografa)* [Linguistic Manipulation Peculiarities in the Germans' Communicative Behaviour (by the Material of the Modern German Cinematograph)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2018, no. 11–2 (89), pp. 309–313.
6. Danilova A. A. *Manipulirovanie slovom v sredstvakh massovoi informatsii* [Verbal Manipulation in Mass Media]. 2nd ed. Moscow, Dobrosvet Publ., 2011. 232 p.
7. Dil'mukhametova A. V. *Priznaki manipulyativnogo akta i sposoby raspoznavaniya manipulyatsii (na primere nemetskikh khudozhestvennykh fil'mov)* [The Features of Manipulative Act and the Ways of Identifying the Manipulation (on the Example of German Cinematography)]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2020, no. 3, pp. 609–614.
8. Dotsenko E. L. *Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita* [Psychology of Manipulation: Phenomena, Mechanisms and Protection]. Moscow, CheRo Publ., 1997. 344 p.
9. Ipatov A. V. *Psikhologiya: uchebnoe posobie* [Psychology: Study Guide]. St. Petersburg, RSHU Publ., 2021. 80 p.
10. Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech]. 5th ed. Moscow, LKI Publ., 2008. 284 p.
11. Karaziya N. L. *Yavnye i kosvennye sposoby vyrazheniya upreka* [Explicit and Implicit Ways of Expressing Reproach]. *Vestnik KamchatGTU*, 2005, no. 4, pp. 225–230.
12. Karpman S. *Zhizn', svobodnaya ot igr* [A Game Free Life]. St. Petersburg, Metanoja Publ., 2016. 342 p.
13. Kushneruk S. L. *Traektorii issledovaniya informatsionno-psikhologicheskoi voyny v rossiiskoi lingvistike* [Trajectories of Information and Psychological War Research in Russian Linguistics]. *Politicheskaya lingvistika*, 2019, no. 6 (78), pp. 12–22.
14. Marinina A. E., Kazantseva Ya. N., Martynova M. A. *Psicholingvisticheskiy analiz rechi manipulyatorov (na materiale angloyazychnogo fil'ma)* [Psycholinguistic Analysis of Manipulators' Speech (Based on English-language Film Material)]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 2020, no. 66-3, pp. 365–368.
15. Mikhaleva O. L. *Politicheskii diskurs. Spetsifika manipulyativnogo vozdeistviya* [Political Discourse. Specifics of Manipulative Influence]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 256 p.
16. Nikandrov V. V. *O sootnoshenii kategorii «soznanie» i «psikhika»* [About Correlation between the Categories as “Consciousness” and “Psyche”]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2003, no. 2, pp. 79–91.
17. Osennaya O. V. *Realizatsiya taktiki rechevoi provokatsii v khode interv'yu Ksenii Sobchak s Sergeem Penkinym* [Implementation of the Speech Provocation Tactic in Ksenia Sobchak's Interview with Sergei

- Penkin]. *Rossiya molodaya: XVII Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferencia molodykh uchenykh (22–25 aprelya 2025 g.)*. Kemerovo, 2025. Available from: <https://science.kuzstu.ru/wp-content/Events/Conference/RM/2025/RM25/pages/Articles/95406.pdf> (accessed 27 November 2025).
18. Pankratov V. N. *Manipulyatsii v obshchenii i ikh neutralizatsiya* [Manipulation in Communication and its Neutralisation]. Moscow, Institut Psihoterapii Publ., 2001. 208 p.
 19. Ruzhentseva N. B. *Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossiiskom politicheskom diskurse: monografiya* [Discrediting Tactics and Techniques in Russian Political Discourse]. Ekaterinburg, 2004. 294 p.
 20. Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. *Ekspressivnye sredstva v yazyke sovremennoi gazety: tendentsii i ikh kul'turno-rechevaya otsenka* [Expressive Means in the Language of the Modern Newspaper: Trends and Their Cultural and Speech Evaluation]. *Yazyk sredstv massovoi informatsii: uchebnoe posobie dlya vuzov*. Ed. by M. N. Volodina. Moscow, Akademicheskij proekt Publ.; Alma Mater Publ., 2008, pp. 521–539.
 21. Chaldini R. *Psikhologiya vliyaniya. Vnushai, upravlyai, zashchishchaisya* [Influence: Science and Practice]. Moscow, Eksmo Publ., 2022. 416 p.
 22. Shakhovskii V. I. *Obosnovanie lingvisticheskoi teorii emotsii* [Linguistic Theory of Emotions and Its Foundations]. *Voprosy psikholingvistiki*, 2019, no. 1 (39), pp. 22–37.
 23. Sheinov V. P. *Manipulirovanie i zashchita ot manipulyatsii* [Manipulation and Protection Against Manipulation]. St. Petersburg, Piter Publ., 2014. 304 p.
 24. Shostrom E. *Anti-Karnegi, ili Chelovek-manipulyator* [Man, the Manipulator: The Inner Journey from Manipulation to Actualization]. Minsk, TPTs “Polifakt” Publ., 1992. 127 p.
 25. Baranova E. *Facework in organizational conflict: A cross-cultural study comparing Russians and Americans*. PhD dissertation, University of Kansas, 2010. Available from: <https://kuscholarworks.ku.edu/handle/1808/6434> (accessed 27 November 2025).
 26. Samoilenko S. A. *Character Assassination. The SAGE Encyclopedia of Corporate Reputation*. Ed. by C. Carroll. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2016, vol. 1, pp. 115–118.
 27. van Dijk T. A. *The principles of critical discourse analysis. Discourse & Society*, 1993, no. 4(2), pp. 249–283.

WAYS OF SPEECH MANIPULATION OF EMOTIONS AND FEELINGS IN AMERICAN AND RUSSIAN FILM DISCOURSE

Ratundalova I. Yu.

The article examines emotion- and feeling-oriented methods of manipulative influence in American and Russian film discourse, using dialogues from contemporary feature films and TV series as empirical material. The study focuses on three of the most common emotional tactics of speech manipulation – reproach, provocation, and threat. The linguistic means of their realization are analyzed, and the semantic types of their actualization are identified; the degree of each tactic’s implicitness and explicitness, as well as restraint and expressiveness, is examined. Particular attention is paid to the culture-specific features of their implementation, which make it possible to reveal similarities and differences in the mechanisms of speech manipulation typical of American and Russian linguocultures. The findings indicate that in the English-language material, manipulative tactics tend to manifest themselves predominantly in a mild, indirect form and less frequently involve direct negative evaluation, whereas in Russian-language film discourse, on the contrary, emotionally charged, overt, and often aggressive forms of influence prevail. These differences reflect culturally conditioned norms of interaction, typical communicative expectations, and narrative conventions of the two linguocultures and contribute to the understanding of nationally conditioned models of verbal behavior in the media discourse of contemporary screen culture.

Keywords: film discourse, speech manipulation, emotionality, speech tactics, reproach, provocation, threat.